

В. П. Федюк

Российский обыватель в 1917 г.: от революционной эйфории к ненависти

В статье рассматриваются изменения поведенческой модели российского обывателя в 1917 г. Эйфория первых дней революции в короткий срок вступила в противоречие с постоянно ухудшавшимися условиями повседневной жизни. Это толкало к поиску виноватых, что привело к повсеместной «охоте на ведьм». Раскол в обществе становился непреодолимым, что объективно приближало Гражданскую войну.

Ключевые слова: русская революция, Гражданская война, культура, повседневная жизнь, социальные аномалии.

V. P. Fedyuk

The Russian Inhabitant in 1917: from Revolutionary Euphoria to Hatred

In the article changes of the behavioural model of the first Russian inhabitant in 1917 are considered. Euphoria of the days of the revolution conflicted to constantly worsening conditions of everyday life in a short period of time. It pushed to search guilty ones, and that led to universal «witch-hunt». Split in society was insuperable that objectively brought the civil war closer.

Keywords: Russian Revolution, civil war, culture, everyday life, social anomalies.

Труднее всего, как известно, признать очевидное. Мы знаем, что в 1917 г. на улицах российских городов уже горели электрические фонари и бегали автомобили. Уже существовали телефон и кинематограф. Зная это, сложно свыкнуться с тем, что в то время еще не было ни холодильников, ни телевизоров. Телевидение сейчас настолько прочно вошло в нашу жизнь, что стало одним из важнейших факторов, определяющих ее течение. Ни политик, ни артист не может рассчитывать на популярность, не появившись на телеэкранах. Но ничего этого не было сто лет назад! По этой причине мы рискуем добавить к многочисленным характеристикам русской революции еще одну – это была последняя великая революция дотелевизионной эры.

Что там телевидение!.. Даже фотографию в газете воспроизвести было сложно. Соответствующая технология была доступна только центральным изданиям. Новых своих правителей Россия худо-бедно могла узнать в лицо по фотографиям в «Ниве», новые же лидеры провинциального масштаба могли, как Гарун аль Рашид, ходить по базарам, никем не признанные. Впору было расклеивать на столбах портреты: вот, свободные жители Ярославля, ваш губернский комиссар, а вот – председатель Совдепа. Между тем это было очень важно. В России привыкли персонифицировать власть, особенно власть верховную. Власть должна была иметь имя и лицо,

хотя бы для того, чтобы в присутственных местах можно было бы повесить нужные портреты. А теперь чьи портреты нужно было вешать вместо снятых царских?

Первым в Ярославской губернии на происшедшие в столице перемены отреагировал Рыбинский биржевой комитет. Уже 1 марта 1917 г. он направил на имя М. В. Родзянко телеграмму, приветствуя его как главу новой революционной власти [1]. Как оказалось, это было сделано слишком поспешно. Уже на следующий день Временный комитет Государственной думы сменило Временное правительство, а в его состав Родзянко не попал. Какое-то время было непонятно, кого же теперь считать лицом и символом государственной власти. Председатель правительства князь Г. Е. Львов почему-то в этом качестве не прижился. Может быть, потому, что он был князем, а это не соответствовало резко «полевешим» общественным настроениям. Действительно, кому адресовать приветственные телеграммы? «Его сиятельству гражданину председателю Временного правительства»? Зато скоро у обывателя появился кумир, в короткий срок ставший невероятно популярным. Речь идет, конечно, об А. Ф. Керенском.

Весной и летом 1917 г. газеты были полны телеграммами в его адрес. Вот один взятый наугад пример: «Команда ярославского военного лазарета, собравшись 9 мая для выборов членов дисциплинарного суда, единогласно постановила при-

ветствовать Вас – первого министра-социалиста, пользующегося любовью и уважением всей Руси великой. С радостью отдаем все наши силы в Ваше распоряжение» [4, 11]. Теперь попробуем в этом разобраться. Лазаретная команда (сколько в ней числилось человек? двадцать? тридцать?), собравшись для решения вполне конкретного вопроса, ни с того ни с сего посылает министру телеграмму с выражением преданности и любви. Если подумать, в этом есть что-то ненормальное.

Эта патологическая любовь нарастала вплоть до осени. В одной из воскресений августа ярославский Союз печатников устроил на Казанском бульваре гулянье с популярным в ту пору развлечением – «американским аукционом». Так вот, портрет Керенского на этом аукционе был продан за 25 рублей, в то время как следующий за ним по стоимости портрет Е. К. Брешко-Брешковской потянул всего на 6 рублей 25 копеек [11, 22 августа]. Объяснение этой сумасшедшей популярности, как нам кажется, в том, что Керенский был «телевизионным» политиком дотелевизионной эпохи. Давно замечено, что в опубликованном виде его речи не производят впечатления. Керенский брал, что называется, «манерой исполнения», причем воздействие этой манеры на эмоции слушателей было столь велико, что передавалось тем, кто Керенского воочию не видел и не слышал.

При отсутствии телевидения и радио источниками информации о политике и политиках были газеты и слухи. В свою очередь, слухи основывались на пересказе тех же газет и рассказах приезжих очевидцев. По этой причине не так сложно выяснить, кого из главных действующих лиц того времени в провинции знали, а кого – нет. Для этого достаточно посмотреть, как часто он упоминается на страницах газет. Когда о Керенском уже говорила вся страна, Ленина чаще всего путали с его однофамильцем – известным актером Малого театра. Впервые о Ленине ярославские газеты начинают писать в середине апреля. По большей части упоминания о нем – это перепечатки из центральных изданий, критические по своему тону. Диапазон критики колебался от умеренной на страницах меньшевистской газеты «Труд и борьба» до довольно резкой в кадетском «Голосе». У читателя в целом должно было сформироваться негативное отношение к последователям Ленина, но кто он такой, газетные публикации толком не объясняли. В апреле на вокзале солдаты задержали и доставили в милицию случайного пассажира только за то, что

его фамилия была Ленин [4, 5 мая]. Частота упоминания Ленина в газетах заметно возрастает со времени июльских событий. К осени у большевистского лидера уже сложилась всероссийская известность, без чего большевики не могли претендовать на власть. Но все это уже политика и потому выходит за пределы нашего рассказа. Ни Керенский, ни Ленин в Ярославле никогда не бывали и потому говорить об этом больше не стоит.

Что касается Керенского, то одним из первых распоряжений его еще в качестве министра юстиции был приказ об освобождении всех находящихся на каторге и в ссылке политзаключенных. В Сибирь за ними были посланы два специальных санитарных поезда № 182 и № 190. Местным властям было предложено широко оповестить население о времени, когда они будут следовать обратно [9, л. 7]. На маленьких и больших станциях собирались толпы народу с оркестрами и хлебом-солью. Провинциальный обыватель, лишенный зрелищ, как всегда доставшихся на долю столиц, жаждал поглазеть на Марусю Спиридонову или кого-то из других героев революции. Ну а поезд останавливался в лучшем случае на пять минут или вообще шел мимо на снижая скорости. Очередной «герой революции», глядя из окна на собравшуюся толпу, «скользнул по ней улыбкой нежною, скользнул, а поезд вдаль умчал».

Что делать, политика вершилась в Петрограде и Москве, может быть, Кронштадте или Севастополе, но никак не в тихом Ярославле. Единственной посетительницей из числа известных лиц, побывавшей в ту пору в Ярославле была уже упомянутая Брешко-Брешковская. Сейчас ее, наверное, помнят только историки-специалисты, тогда же имя ее было на слуху у всех. Надо сказать, что основания для такой известности были, так как Екатерина Константиновна была женщиной незаурядной. Участница еще «хождения в народ», первая в России политкаторжанка и прочая, и прочая. Было ей ко времени, о котором мы ведем речь, уже 73 года, потому иначе как «бабушкой русской революции» ее никто не называл.

Брешко-Брешковская приехала в Ярославль 16 апреля по приглашению местной эсеровской организации. В Волковском театре состоялся митинг, билеты на который разошлись за считанные часы. Ярославцы излили на «бабушку» все то, что не досталось другим знаменитостям, так до города и не добравшимся. Ажиотаж в театре царил чрезвычайный. Букеты заполнили всю сце-

ну, а в довершении председательствующий на митинге объявил, что отныне городской сад в Ярославле будет носить имя Брешко-Брешковской. «Бабушку» это так растрогало, что она не забыла упомянуть об этом в своих воспоминаниях, написанных уже в эмиграции [7, с. 231]. Но, кажется, бедную старушку ввели в заблуждение. Ни в каких документах «сад имени Брешко-Брешковской» не упоминается. Похоже, что организаторы митинга уже на следующий день забыли свое обещание. Может быть, это было и к лучшему – сад хотя бы не пришлось вновь переименовывать. Ведь осенью, уже при большевиках, ярославские газеты начали поносить Брешко-Брешковскую, теперь уже как контрреволюционерку, купленную американскими капиталистами за два миллиона рублей [2, 28 ноября].

Весной же приезд «бабушки» всколыхнул город. Те, кто не сумел попасть в театр, осаждали вестибюль гостиницы «Бристоля», где остановилась «бабушка». Здесь-то и началась та трагикомическая история, ради которой мы затеяли весь рассказ. Среди восторженных посланий, адресованных «бабушке», оказался конверт с письмом, содержавшим площадную ругань. Неизвестный автор письма угрожал Брешко-Брешковской расправой в том случае, если она не покинет город. К письму прилагалась коробочка, кокетливо перевязанная бантиком, в которой, когда ее вскрыли, были обнаружены экскременты [5, л. 11].

Секретарь Брешко-Брешковской передал письмо и коробку организаторам визита с просьбой разобраться в случившемся. Это было сделать несложно. Первый этаж здания гостиницы занимал магазин фирмы «Треугольник» (крупнейшего в России производителя галош и других резиновых изделий), где бухгалтером служил В. И. Кригер – по общественной своей должности секретарь исполкома местного комитета партии эсеров. В магазин часто заходил А. З. Рысин, то ли родственник, то ли знакомый Кригера. Рысин (21 год, из евреев-беженцев, ранее безработный) примерно месяц к этому времени числился в рядах ярославской милиции. Ему-то Кригер от имени партии эсеров и поручил заняться этим делом.

Рысин рьяно принялся за поиски анонимной «Красной Шапочки», ошастливившей «бабушку» столь специфическим подарком. Он опросил швейцара и тот сказал, что письмо и коробку принесла дама высокого роста, одетая в короткую жакетку. Письмо было вложено в фирменный конверт Романовской льняной мануфактуры.

Рысин направился в правление мануфактуры (оно находилось в Ярославле), но здесь выяснилось, что конверты лежат в конторе свободно и доступ к ним имеют самые разные люди. Тогда, предъявив членский билет партии эсеров, Рысин потребовал, чтобы ему предоставили доступ к образцам почерков всех служащих правления. К несчастью «Шерлок Холмса от революции», ни один образец опознать не удалось.

Но Рысину чем-то не приглянулась Капитолина Классен – жена работавшего в правлении поручика К. П. Классена. Позднее при дознании он выдвигал только один аргумент против нее: «Муж у нее офицер, а значит может быть провокатором» [5, л. 14]. Вызванный в контору швейцар из «Бристоля» подозреваемую не опознал, но Рысин на этом не успокоился. Он стал как на работу каждый день ходить на квартиру к Классен в дом Михайлова на Пробойной, допрашивать денщика ее мужа, горничную, управляющего домом. При этом он говорил, что обо всем должно быть доложено Керенскому и со дня на день ожидается приказ об аресте того, что передал «бабушке» «гадский подарок».

Не выдержав этого преследования, Классен и ее муж написали жалобу в Комитет общественной безопасности. В итоге Рысин был уволен со службы, а история с «гадским подарком» так и осталась тайной. Но для нас не так уж принципиально, кто стоял за этой глупой, в сущности, затеей. История с «подарком для бабушки» дает возможность выявить ряд тревожных явлений, заявивших о себе уже на начальном этапе революции.

Обратим внимание на то, что Рысин действовал по поручению партийного начальства, а не своего непосредственного милицейского, а являясь с допросом, предъявлял удостоверение члена партии эсеров, а не милиционера. При этом самое удивительное то, что все беспрекословно ему подчинялись. Здесь мы снова сталкиваемся с уже отмеченным ранее обстоятельством – революционные партии воспринимались как победители, а с победителями лучше не спорить. Но об этом мы уже писали. Интереснее другое – революционеры, любившие повторять, как они пострадали от жандармов, сами при случае не прочь были взять на себя жандармские функции.

Уже с первых дней после крушения монархии повсеместно начался поиск врагов революции. Наличие таковых предполагалось чисто логически, поскольку на практике было не очень ясно, кого зачислять во враги. Первым делом туда по-

пало прежнее начальство и представители карательных органов – от жандармов до рядовых полицейских. Ярославский Совет уже на первом своем заседании 1 марта 1917 г. потребовал от Комитета общественной безопасности немедленно приступить к ликвидации старой власти. Одновременно были предприняты попытки погромов бывших полицейских участков и самочинные аресты городских. Для предотвращения этого Комитет 3 марта отдал распоряжение заключить под стражу губернатора и чинов полиции.

Как уже отмечалось, губернатор Н. Л. Оболенский в первые дни революции выразил полную лояльность происходящим переменам, да и в должности своей он пробыл менее четырех месяцев. Посчитав, что никаких преступлений против «революционного народа» он не совершал, Комитет общественной безопасности 6 апреля принял решение освободить бывшего губернатора из-под стражи. Вслед за ним были освобождены и некоторые другие арестованные. Однако это вызвало активное недовольство Совета. Чтобы не обострять ситуацию, Комитет в заседании 19 мая 1917 г. принял решение: «Общего освобождения в настоящее время не производить ввиду имеющихся сведений о тревожном положении Ярославля в отношении неорганизованных выступлений масс» [9, л. 22]. В персональном порядке дела арестованных представителей старой власти продолжали разбираться и уже к осени большая часть из них была выпущена на свободу.

Со «слугами старого режима» все было более или менее ясно. Но главным «пугалом» были не они, а некие загаившиеся сторонники прежней власти – обезличенные, а потому особо страшные. По отношению к ним весной 1917 г. наиболее часто употреблялся термин «темные силы». Первоначально под этим подразумевался некий «коллективный Распутин» – сам «старец» и его окружение. Однако довольно скоро это понятие стало трактоваться расширительно. В постановлении губернского комиссара от 18 августа 1917 г. упоминается «погромная агитация темных сил», в октябре к «темным силам» были причислены и большевики. Как и позднейшее «враги народа», ярлык «темные силы» был хорош своей абстрактной неопределенностью, позволявшей навешивать его к чему угодно.

Быть причисленным к сторонникам «темных сил» означало навлечь на себя серьезные неприятности. Немногим более недели спустя после переворота ярославские газеты сообщили о ха-

рактерном случае. В поезде, следовавшем через Ярославль в Кострому, некий священник открыто ругал новую власть. В вагоне нашлись бдительные попутчики и из Бурмакино на следующую станцию была дана телеграмма. В результате священник, позволивший себе неосторожные высказывания, был в Костроме арестован по распоряжению Комитета общественной безопасности [4, 10 марта]. Дальнейшая судьба его неизвестна. Вряд ли за этим арестом последовало что-то серьезное, но показательное, что уже в дни всеобщей эйфории всего лишь публично высказанное мнение могло стать основанием для репрессий.

Обратим внимание на то, что героем рассказанной нами истории был священник. Хотя революция поначалу активно использовала ритуалы, заимствованные из церковного обихода, отношение ее к церкви и церковнослужителям было весьма настороженным. В начале апреля в ярославской газете «Труд и борьба» была опубликована статья, автор которой обвинял духовенство во главе с архиепископом Агафангелом в сочувствии свергнутой власти [11, 6 апреля]. Само название статьи «Вибрионы контрреволюции» автоматически причисляло их к числу тайных врагов. Победителям не забылись давние кровавые строки: «Кишкой последнего попа последнего царя удавим». Последний царь был арестован и ждал своей участи, похоже, что кое-кто был не прочь начать готовить и орудие казни.

К потенциальным врагам революции было причислено и офицерство. Мы вовсе не собираемся утверждать, что среди священнослужителей или офицеров не было тех, кому новая власть пришлось не ко двору. Но число их поначалу было невелико и если впоследствии и стало больше, то виноваты в этом были сами бдительные защитники новых порядков. В особенной мере это относится к офицерству, которое за годы войны коренным образом изменилось в качественном отношении. Теперь в его рядах абсолютное большинство составляли выходцы из средних городских слоев, крестьян и рабочих [3, с. 8]. Многие из них с восторгом приняли революцию, но быстро вынуждены были разочароваться. Это можно ярко проиллюстрировать выдержкой из дневника уроженца Рыбинска прапорщика А. И. Лютера: «Сидишь как пень и думаешь, думаешь о грубости и варварстве. Не будь его – ей Богу, я был бы большевиком, только поменьше социализма... Будь все сделано по-людски, я отдал бы им и землю и образование, и чины, и ор-

дена... Так нет же: “Бей его мерзавца, бей офицера (сидевшего в окопах), бей его помещика, бей дворянина, бей интеллигента, буржуя, соси его последние соки”, – и, конечно, я оскорблен, унижен, истерзан, измучен» [8, с. 156]. Попытки расправы солдат над офицерами в Ярославле отмечались уже с лета 1917 г. Осенью уже многие офицеры предпочитали ходить по улицам в штатском, чтобы не стать жертвой распоясавшихся «защитников революции» [10].

Была еще одна группа потенциальных контрреволюционеров, попавшая в этот разряд в силу не социального, а родственного положения. Как мы помним, бдительный Рысин заподозрил Капитолину Классен в причастности к истории с «гадским подарком», потому что она была женой офицера. В августе 1917 г. В Ярославле была предпринята попытка еврейского погрома. Задержанная по этому делу Мария Рыжова тоже была обвинена в том, что «наверное, она жена полицейского» [6, л. 4]. Как тут не вспомнить позднейших «жен изменников родины».

Конечно, время было еще не то. Преследование «врагов народа» не только не успело оформиться в государственную политику, но даже не обрело характер признанной идеологии. Однако первый шаг к этому был уже сделан тогда, когда появились добровольные жандармы, действовавшие от имени революции. Не так уж долго оставалось и до появления добровольных палачей.

Библиографический список

1. Вестник Рыбинской биржи. – 1917. – 2 марта.
2. Власть труда (Ярославль). – 1917.
3. Волков, С. В. Трагедия русского офицерства [Текст] / С. В. Волков. – М., 1999. – 382 с.

4. Голос (Ярославль). – 1917.
5. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 228. Оп. 1. Д.1161.
6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 346. Оп. 7б. Д.161.
7. Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года [Текст] / Б. И. Колоницкий. – СПб. 2001. – 348 с.
8. Лютер, А. Дневник офицера [Текст] / А. Лютер // Памятники Отечества. – 1992. – № 25. – С. 149–163.
9. Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области. Ф. 211. Оп.1. Д. 4.
10. Свободное слово (Ярославль). – 1917. – 2 декабря.
11. Труд и борьба (Ярославль). – 1917.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vestnik Rybinskoj birzhi. – 1917. – 2 marta.
2. Vlast' truda (Jaroslavl'). – 1917.
3. Volkov, S. V. Tragedija russkogo oficerstva [Tekst] / S. V. Volkov. – M., 1999. – 382 s.
4. Golos (Jaroslavl'). – 1917.
5. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti (GAJaO). F. 228. Op. 1. D.1161.
6. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti (GAJaO). F. 346. Op. 7b. D.161.
7. Kolonickij, B. I. Simvolj vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoj kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda [Tekst] / B. I. Kolonickij. – SPb. 2001. – 348 s.
8. Ljuter, A. Dnevnik oficera [Tekst] / A. Ljuter // Pamjatniki Otechestva. – 1992. – № 25. – S. 149–163.
9. Rostovskij filial Gosudarstvennogo arhiva Jaroslavskoj oblasti. F. 211. Op.1. D. 4.
10. Svobodnoe slovo (Jaroslavl'). – 1917. – 2 dekabnja.
11. Trud i bor'ba (Jaroslavl'). – 1917.